

— Призраками обычно называют души умерших, что застряли в мире живых, — пояснил Гао Цзэкай, повернувшись к Пэй Цзинсину. — По-хорошему, после смерти душа должна уйти в Желтые источники. Но бывает, что несчастные сбиваются с пути или цепляются за земное существование, не желая его покидать. Таких скитальцев ловят даосы с монахами, чтобы упокоить или переплавить их силу, либо же за ними приходят подземные стражи. Вот только когда мой талисман коснулся этого Полулицего призрака, с небес ударил гром. Это предупреждение. Значит, упокоить или переплавить эту тварь просто так нельзя. Кстати, даос Су, те глазурованные жемчужины в ваших руках — тоже ведь сокровище для очищения душ?

Су Янь промолчал, лишь плотнее сомкнув губы.

Заметив, что юноша все еще держится настороже, Гао Цзэкай не обиделся.

— Час этой неприкаянной души еще не пробил, — продолжил он. — То, что она бродит между кварталами Весенней Ясности и Вечного Спокойствия, неспроста. Здесь явно кроется какая-то тайна.

Пэй Цзинсин резко поднялся. На его левой руке красовалась толстая повязка, стянутая вычурным, щегольским бантом — сразу видно, постарался его двоюродный брат Пэй Хуайюй.

— Этот старый даос Ли нечист на руку, — твердо произнес он.

Присутствующие дружно повернулись к нему.

Сжав копьё Драконьей головы и Тигриного клыка, Пэй Цзинсин продолжил:

— Ни вы, ни даос Су даже не догадывались, что этот Полулицый призрак — душа человека, чей срок еще не пришел. Однако старый Ли с ходу, единым ударом, подчинил его себе, не оставив ни единого шанса на сопротивление. Он прекрасно знал, с кем имеет дело.

— Но ведь старого даоса позвал заместитель министра Шангуань, — подал голос стоявший рядом Пэй Хуайюй. — Если бы не его приглашение, ничего бы и не было, верно?

Пэй Цзинсин нахмурился:

— По словам Шангуань Юня, даоса ему сосватал какой-то заморский купец. Иноземец? Хм! Большинство заморских купцов веруют в зороастризм, селятся и торгуют на западе Сицзина. Откуда у них общие дела со старым Ли, который всю жизнь околачивался в веселом квартале Мира и Здоровья? Уличный пристав Сян! Завтра же возьми людей и прошерсти западные кварталы — Цзюйдэ, Фэнхэ и прочие, где живут приезжие. Разузнай, не видел ли кто старого пройдоху в компании чужеземцев.

Уличный пристав Сян почтительно поклонился, сложив ладони:

— Будет исполнено.

— Сам я еще раз наведаюсь в квартал Мира и Здоровья, — добавил Пэй Цзинсин. — Возможно, там уцелела хоть какая-то ниточка. А что до этой... — Он перевел взгляд на застывшего Полулицего призрака. — Она вообще говорить способна?

— Кто знает. Пока от нее ничего, кроме истошных воплей, не слышали, — пожал плечами Гао Цзэкай. — Заберу ее в резиденцию Государственного наставника, там и разберусь.

С этими словами он достал из потайного кармана в рукаве изящный серебряный замочек и повесил его на шею призраку. Затем развязал стягивавшую ее красную нить и с улыбкой протянул ее Су Яню.

Су Янь угрюмо принял нить. Но стоило ему коснуться руки собеседника, как Гао Цзэкай внезапно перехватил его запястье. Насладившись редким замешательством на лице обычно невозмутимого юноши, он со смехом отпустил его руку и шутливо щелкнул даоса по лбу:

— Да не хмурься ты так! Такой молодой, а ходишь вечно смурной, будто на тебе долг кровной мести висит. Толковый ведь малый, да и лицом статен — грех портить себя такой постной миной!

Заметив, что Су Янь окончательно растерялся, Гао Цзэкай решил не усугублять.

— Держи свою нить. А сам прибивайся-ка к нашему грозному стражу, — он кивнул на Пэй Цзинсина. — Он у нас уличный посол Цзиньувэй, человек суровый, но надежный. Рядом с ним не пропадешь.

Пэй Цзинсин недовольно нахмурился:

— Он же ровесник Хуайюя. Будет только под ногами путаться.

Пэй Хуайюй тут же соорудил скорбную мину и картинно прижал ладонь к груди:

— Брат, неужели я для тебя всего лишь обуза?

Гао Цзэкай снисходительно похлопал своего названного младшего брата по макушке:

— Будет тебе. Перед этим сухарем изливать душу бесполезно. Еще накличешь на себя беду.

Повернувшись к Пэй Цзинсину, Гао Цзэкай заговорил уже серьезно:

— Раз этот старый даос Ли с ходу скрутил призрака, тут одно из двух: либо он действительно силен и заранее просчитал все тайны этой твари, либо за его спиной стоит куда более могущественный кукловод. В любом случае, противник у тебя непростой. Даос Су хоть и молод, но дело свое знает крепко. Лишним он тебе не будет.

Су Янь вспомнил, что обвинение в нарушении ночного запрета с него так никто и не снял, и судьба его сейчас целиком в руках этого сурового стража. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Юноша судорожно припомнил, как в его родных лесах заискивали перед охотниками лисицы-оборотни и речные девы. Он натянуто улыбнулся Пэй Цзинсину и кротко захлопал ресницами:

— Обещаю, я не стану мешать.

Пэй Цзинсин от такого зрелища едва не выронил копье. Сделав шаг назад, он процедил:

— Ладно.

До предрассветного боя барабанов, знаменующих открытие городских ворот Сицзина, оставалось не более получаса. Гао Цзэкаю нужно было успеть укрыть Полулицего призрака в стенах резиденции Государственного наставника до первых лучей солнца, поэтому он поспешил откланяться. Оседлав выделенного стражей коня, он двинулся в путь; усмиранный серебряным замком призрак безмолвной тенью поплыл следом.

Разумеется, Пэй Хуайюй ни за что не упустил бы возможность увязаться за ними.

Проводив взглядом кавалькаду, Пэй Цзинсин внимательно посмотрел на притихшего Су Яня и негромко кашлянул:

— Иди за мной.

Отойдя с ним в глухой переулок, он заговорил без лишних свидетелей:

— Нарушение ночного покоя я тебе прощу. Но только когда мы разберемся с этим делом. Если до тех пор ты хоть раз встанешь у меня на пути — пойдешь под суд сразу по двум статьям, за укрывательство и противодействие императорской страже. Пощады не жди. Вопросы есть?

Су Яню оставалось лишь покорно склонить голову:

— Все предельно ясно.

Они виделись всего второй раз, но Пэй Цзинсин подспудно чувствовал: несмотря на один возраст с его кузеном, этот парень слеппен совсем из другого теста. В нем не было и капли

ленивой беспечности Хуайюя.

— В седле держаться умеешь?

— Умею.

— Тогда в путь. Времени на отдых нет, скачем напрямиком в квартал Мира и Здоровья.

Дорога до веселого квартала открыла Су Яню зрелище поистине завораживающее.

Едва загремели четыре сотни ударов утренних барабанов, сонный Сицзин точно пробудился ото сна. Великий город оживал, словно проснувшийся исполин, лениво расправляющий плечи под первыми лучами солнца.

Ворота жилых кварталов распахнулись, выпуская на улицы пеструю толпу. Вот торопятся на утреннюю службу мелкие писцы и чиновники, на ходу кусая остывшие пресные лепешки. Навстречу им, весело перекликаясь и шумно обсуждая домашние дела, спешат к мясным рядам хозяйки. Юркие подмастерья и лавочные служки бегут, спотыкаясь, едва успевая на ходу поправить сбившиеся тюбетейки и заправить подолы халатов за пояс.

Эти люди ни капли не походили на лесных духов и горных оборотней, к которым привык юноша. Век человека короток, полон болезней и невзгод, но сколько же в них было неукротимой жизни! Они неслись вперед с таким неистовым жаром, точно надеялись обогнать само время.

В этой суетливой обыденности крылось то, чему Су Янь невольно завидовал.

Однако квартал Мира и Здоровья встретил их совсем иначе. Пока весь остальной город бурлил, за этими стенами царило сонное безмолвие, изредка нарушаемое тихим зевком или случайным окликом.

— Спешиваемся, — коротко бросил Пэй Цзинсин.

Оставив лошадей у поста городской стражи, он повел Су Яня в глубь улочек.

Этот квартал жил греховными удовольствиями. Здесь богачи швыряли золото на ветер, а бедняки спускали все, что копили годами. Но сейчас здешние завсегдатаи либо еще отсыпались после бурной ночи, либо только готовились заглянуть сюда ближе к сумеркам. Оказаться здесь ранним утром — значит застать публичные дома в самый мертвый час.

Первым делом они разыскали сводницу Лю — ту самую, у которой старый Ли ухитрился дважды пообедать в долг. Хозяйка заведения, все еще сохранившая остатки былой красоты,

при виде начищенных доспехов Пэй Цзинсина мигом растеряла дежурную любезность.

— Уличный посол Пэй, ну зачем же опять к нам? — недовольно протянула она.

В подобные места хаживали не только купцы, но и вельможи самого высокого ранга. Местные содержательницы обычно имели надежных покровителей при дворе, а потому, хоть и не смели выставить стражников за дверь, лебезить перед ними не собирались. Частые визиты служивых лишь отпугивали гостей, и Сводница Лю не скрывала своей досады.

Пэй Цзинсин пропустил ее ворчание мимо ушей и сразу перешел к делу:

— Когда ты видела старого даоса Ли в последний раз? Заметила за ним что-нибудь странное?

— Да откуда мне знать? Глаза бы мои его не видели! — Сводница Лю раздраженно обмахнулась веером. — Этот бродяжка задолжал мне за два обеда. Распинался, что вот-вот разбогатеет, а сам сквозь землю провалился. Стал бы я приглядываться к нищему проходимцу, который только и умеет, что простофиль дурачить!

Тут она заметила Су Яня, скромно стоявшего за плечом офицера. Женщина так и расцвела в улыбке, подавшись вперед:

— Ох, батюшки! Какая же прелесть к нам пожаловала! Как звать-то тебя, красавчик? Неужто впервые в наших краях, решил на мир посмотреть? Да ты по адресу пришел, милый! Не бойся, если что приглянется — только шепни сестрице, все устрою.

Су Янь, доселе никогда не бывавший в вертепах разврата, едва сдерживался: густой, удушливый дух дешевых притирок и кислого перегара забивал ноздри. Не выдержав, он звонко чихнул.

Пэй Цзинсин, заметив растерянный вид юноши, решительно заслонил его спиной.

— Он тебе не клиент. Отвечай лучше на вопрос, сводница: если ты знала, что у старика Ли в карманах свистит ветер, с чего вдруг позволила ему пировать в долг?

При упоминании о долге женщина всплеснула руками, исходя праведным гневом:

— Да этот прохвост в первый раз притащил золотую шпильку-феникса с чистейшей яшмой! Клялся, что это плата вперед. Ну я и поверила, решила, что старик и впрямь напал на золотую жилу. Кто же знал, что его богатство растает быстрее весеннего снега?

Наметанный ум следователя мигом зацепился за эту деталь.

— Погоди. Когда именно он впервые заговорил о том, что скоро поймает удачу за хвост?

Поняв по лицу офицера, что шутки кончились, Сводница Лю призадумалась, припоминая подробности:

— Да с месяц назад, пожалуй. Заявился к нам клянчить вино, девки его взяшей вытолкали. Так он на крыльце распинался, кричал, что сошелся с важным господином и скоро в шелка нарядится, а мы еще приползем к нему прощения просить. Тьфу на него! Знаем мы его породу. Скорее свиньи летать научатся, чем этот старый хрыч выбьется в люди.

Когда в ее заведение заглядывали богатые господа, хозяйка умела держать себя с таким изяществом, что ее легко можно было принять за знатную даму. Но сейчас, брызжа слюной и осыпая проклятиями должника, она явила свою истинную, базарную суть.

Сопоставив слова хозяйки Фэн и сводницы Лю, Пэй Цзинсин быстро прикинул сроки. Выходило, что старый проныра сошелся со своим таинственным покровителем как минимум три недели назад.

Однако заместитель министра Шангуань Юнь привел даоса к генералу Шэнь Цунцзяню всего девять дней назад. Тот потратил сутки на приготовления и ровно неделю назад поймал Полулицего призрака.

Если тем самым «важным господином» действительно был Шангуань Юнь, то с момента их первой встречи до визита к генералу Шэню прошло не меньше одиннадцати дней.

«Что же они делали все эти одиннадцать дней?» — Пэй Цзинсин нахмурился.

Строить догадки без улик — пустое дело, сейчас важнее всего было отыскать самого даоса.

— А имени своего благодетеля он не называл? — Пэй Цзинсин в упор посмотрел на сводницу.
— Может, все-таки видела его с заморскими купцами? Или кто-то чужой расспрашивал о нем за последние месяцы?

— Бог с вами, Уличный посол Пэй, откуда? — замотала головой женщина. — Иноземцы к нам заходят, спору нет, да только они все люди иной веры, с чего бы им слушать бредни нищего даоса? А чтобы кто-то его искал... Помнится, в прошлом месяце пара заезжих господ переговаривалась с ним у входа, но лица их я под капюшонами не разглядела. Да и на кой мне сдался этот оборванец, чтобы я за ним следила?

Тонкая нить расследования, едва показавшись, вновь ускользнула из рук. Пэй Цзинсин почувствовал себя так, словно его окатили ледяной водой.

Он уже собирался развернуться и попытать счастья в соседнем заведении, когда молчавший до

этого Су Янь негромко спросил:

— А та шпилька-феникс, что оставил старик, еще у вас?

— Какое там! — Сводница Лю так и засияла, повернувшись к юноше. — Я побоялась, что эта безделушка краденая, и в тот же день отнесла ее меняле. Тебе приглянулась шпилька, хороший мой? Так ты зайди ко мне в покои, выберешь любую, какая понравится!

— Я уже сказал: он не гость, — ледяным тоном повторил Пэй Цзинсин. Он с силой опустил древко своего копья, и тяжелый наконечник с хрустом расколол половицу под ногами женщины.

— Ох! — взвизгнула та, отпрянув. — Уличный посол Пэй, вы мне весь пол разнесете! За что вы на дерево-то ополчились?

— Рука сорвалась, — сухо бросил Пэй Цзинсин и, обернувшись к спутнику, резко добавил: — А тебе велено было помалкивать.

— Но я могу его найти, — спокойно возразил Су Янь, прямо встретив сердитый взгляд стража. — Дайте мне любую его вещь. Жив он или мертв — я отыщу его след. А если старик уже испустил дух, то я сумею призвать его душу для допроса.

<http://bllate.org/book/18419/1768796>